

18+

Наталья Викторовна Литвякова

Однажды в тимбилдинг

Наталья Викторовна Литвякова

Однажды в тимбилдинг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57458051

SelfPub; 2020

Аннотация

В нормальных организациях тимбилдинг – это понятно что: способ, который обычно применяют в бизнесе для создания, повышения эффективности работы команды и бла-бла-бла. Но, то ли у нас корпорация не такая, как все, то ли её сотрудники, результаты наших тимбилдингов прямо противоположные – кто в лес, кто по дрова. А последний так вообще побил все рекорды креатива и сплочения – закончился убийством, и теперь подозреваются все, включая шефа. Не только в преступлении, однако, но и в других смертных грехах. Прелюбодеянии, к примеру. Или там в чревоугодии. Словом, работать у нас – одно удовольствие, сплошные гормоны радости, счастья и стресса. Не зря же корпорация специализируется именно в этом направлении.

Глава 1.

– Никакую полицию мы вызывать не будем, – заявил шеф, Пал Палыч. При этом кулаки сжал, аж косточки побелели. – Это внутреннее дело компании. Ещё не хватало! – тяжёлый взгляд каждого прищипливал как бабочку. – Сейчас все сдадут телефоны, все! —подчеркнул он для айтишника Сани. – И разойдётесь по рабочим местам. Думать, вспоминать, сопоставлять. Чтобы потом, через 2 часа явиться ко мне с признанием.

Пал Палыч встал и повысил голос:

– Да! С чистосердечным: если это вы его убили, то за что, и где спрятали труп? Если его похитили, а вы стали свидетелем, или —тьфу, не дай бог, – сообщником, милости прошу в кабинет. А уж там... – тут он указал пальцем в потолок, – решат, что с вами делать. Если идеи, показания уже есть, озвучьте сейчас, при сдаче гаджетов.

– Началось в колхозе утро, —шепнула Лика. С чего вообще шеф взял, что убили, похитили?

Я пожалала плечами: мол, Пал Палыча не знаешь, что ли?

– Ну, пропал и пропал, – бубнила подруга и коллега по совместительству, шаря в сумке. – Загулял. Объявится, с кем не бывает, – она выразила общую мысль.

Встревоженный офисный улей перестал гудеть и замер.

– Смирнова, – не заставила себя ждать реакция шефа, – не разлагайте дисциплину. Имеете что сообщить – доклады-вайте, нет – сидите молча и не жужжите.

– Этим должны заниматься специально обученные люди, – тихо сказал главбух. Его голос скрипел, как старая дверца. – Такое серьёзное дело: вы подозреваете нас в преступлении, а устраиваете любительский сыск. Могут пострадать невиновные. Репутация!

– Не согласных с политикой компании никто не держит. По окончании расследования приму все заявления, – ответил Пал Палыч, и добавил:

– Кстати, охране приказал всех пускать, никого не выпускать. На работе надо было работать, а не преступления совершать! – и махнул рукой в сторону двери – выметайтесь.

– Это всё – мезальянс, – возмущалась шёпотом кадровичка. – Я вам точно говорю, – она семенила по коридору. Резко остановилась, обернулась. Химические кудряшки взметнулись. – Неравенство хоть в чём, хоть в браке, хоть в делах – до добра не доводят!

– Старорежимные понятия, Ольга Николаевна, —парировала Лика. —Вы хотите сказать, что кто-то кого-то прихлопнул, потому что он выше по статусу? Прямо на работе?

– Ничего я не хочу сказать, кроме того, что сказала. Мезальянс! —повторила женщина и закрыла дверь перед нашим носом.

– А, если это любовь? – изогнула бровь подруга.

– Не говорите глупостей! – дверь снова закрылась.

– По кофе? – предложила я.

Расследование превратилось в банальнейшее перебивание косточек. Как говорится, почём сплетни для народа и против кого дружить будем. Если б я знала, насколько всё серьёзно, я бы по-другому взглянула на это рабочее утро. Пока же казалось, что шеф в очередной раз слетел с катушек. «И кадровичка!» – поддакнула Лика.

Никто, конечно, ни в чём лично не признался. И через два часа актёрский зал превратился в базар. Коллектив таки организовался с версиями, но выкрикивать их с места куда веселее. Какие храбрые пупсики, умилилась подруга на очередного маньяка из отдела маркетинга. То один сотрудник, то другой превращались в убийц и шантажистов. Беспочвенно, качественно и быстро, во народ!

– Да что тут происходит?! – изумился Стас, креативный директор. – Прошу прощения, я опоздал. Кто кого убил, и где полиция? А труп?

– Опаздывать отвратительно, Станислав Ильич, и противоречит уставу компании.

– Я в курсе, но у меня обстоятельства.

– У всех обстоятельства. У нас вот — преступление. Можно сказать – века!

– На почве любви и мезальянса, – хихикнула Лика. Ольга Николаевна покраснела. Я пихнула подругу в бок.

– А убили у нас, уважаемый Станислав Ильич, чувство юмора. Представьте себе, я не шучу. Вместе с ним почили дух коллективизма, огонь на работе, творчество, работоспо-

способность, — шеф загибал пальцы, — и убийца, — Пал Палыч потряс телефоном, — социальная сеть! С тех пор, как произошло слияние человека с интернетом...

— А я говорила! — перебила его Ольга Николаевна.

Тимбилдинг набирал обороты реактивного двигателя.

— Там эта... — в дверь просунулась уборщица, тётя Нина. — Мужик какой-то под пальмой лежит. Кажись, мёртвый. Я за ним убирать кровь не буду, так и знайте, заявила она кричащей тишине. — За покойниками убирать не нанималась, — повторила уборщица. Твёрдо обозначила своё статус-кво.

В зале мemento море: слышно даже, как судорожно вздохнул главбух и захрипела кадровичка, схватившись за сердце. Станислав Ильич уронил телефон. А Лика быстро-быстро двигала челюстями: и когда она только успела что-то съесть. А потом хлынули эмоции как Гегский водопад, и наше стадо хомо сапиенс рвануло к выходу. Возможно в дверях появился бы ещё мертвец-другой — прости господи, мне этот юмор, но иначе не выдюжить никак, — но тут раздался зычный глас шефа:

— Чьи следы обнаружат у тела, тот первый подозреваемый!

Я прямо услышала визг тормозов нашей честной компании у выхода. «Ё...», — сказал бы гаишник Сёма с нашего перекрёстка. «Страйк!» — воскликнул бы сын. Ей-богу, я вдруг другими глазами посмотрела на шефа: он перестал напоминать мне прапорщика.

Пал Палыч проснулся к дверям:

– Вернитесь все на свои места. Сядьте и ждите. А вы, Малинина, следуйте за мной.

Глава 2.

– Вы его знаете, Малинина?

– Масяня, – пробормотала я, – курьер наш.

– Маслов Ян Викторович, – тут же исправилась. Ибо брови шефа не то, чтобы в домик – в средневековый замок сложились. Оно и, конечно: откуда ж ему знать подробности, если человека даже в лицо не помнит.

– Почему я его ни разу не видел?

– Вы у меня спрашиваете? – в свою очередь удивляюсь.

Таким растерянным он был пару лет назад. В период федерального аудита. Трясло нас тогда, как в последние дни Помпеи. Высшее руководство благополучно разбежалось по командировкам, отпускам, больничным, благо устав компании позволяет свалить дела на региональных да прочих замов и менеджеров. Шеф мужественно барахтался. Выплыл. Но каким количеством крови обошёлся история умалчивает. А тут покруче неприятность намечается.

– Вот, что, Малинина... вы, эт самое, можете идти, – после неловкой паузы молвил Пал Палыч, и потёр лоб. – Всё, что могли, вы уже сделали.

– Да ничего я не делала! – вспыхнула я, и перешла на шёпот. Не тактично как-то возле тела ссориться, но шеф иногда в своём умении изъясняться —хуже слона в посудной лавке.

А теперь ещё и мыслить логически разучился. – Может быть, это вы сделали!

– Штоо?! – зашипел. Тоже, видать, из деликатности.

– То! Всё, что могли, – и, чтобы шарики-ролики в голове Пал Палыча вернулись на место, драматично уточнила:

– Остаётесь улики скрывать?

– Вы отдаёте себе отчёт, Малинина, с кем...

– А вы отдаёте? — перебила я. Приняла вид лихой и придурковатый, как полагается при разговоре с начальством. И пояснила:

– Потом 30 человек с удовольствием подтвердят, что вышли мы вдвоём, вернулась я одна. Чем вы тут занимались никому неизвестно. Понимаете? И вообще, что вы делали, пока мы выясняли, что случилось с нашим духом коллективизма и с чувством юмора. У вас алиби есть?

Пал Палыч поперхнулся, покраснел, открыл рот и... закрыл. Махнул рукой, и телефон рыбкой выскользнул в противоположный угол. В тропические кущи зимнего сада. Багровый шеф нырнул вслед за ним, красноречиво матерясь всем своим образом, вплоть до галстука. Он, кажется, тоже стал малинового оттенка. Ну, кто меня всегда за язык тянет?

Пока шеф изображал из себя змея в зарослях местного Эдема, я таки набралась смелости и взглянула на курьера. Поподробнее, как сказала бы Лика. Эх, жаль её нет рядом. Зря Пал Палыч не разрешил ей пойти с нами. Один свидетель хорошо, а два лучше. У подруги, как у того сыщика, из

«Бременских музыкантов», нюх, как у собаки, и глаз, как у орла. С неё бы толку больше было. Кому мог помешать Маслов? Что за «тайны Мадридского двора»? А, может быть, он всё-таки жив? Я подошла поближе. Масяня, если честно, мне никогда не нравился. Вроде и плохого ничего не сделал, но в то же время было что-то в его манерах отталкивающее. Неприятное. Но это не значит, что он должен умереть во цвете лет.

В момент, когда стадо мамонтов, состоящее из одного шефа, выбралось из кадочных джунглей, я краем глаза уловила нечто зажатое в кулаке Масяни. Если женщина играет роль детектива, она стремительна и неуловима. Я, пожалуй, сама бы моргнуть не успела, и не уследила бы за собой так быстро «нечто» перекочевало в карман моих джинсов, с мыслью «этого не может быть, потому что не может быть!». К чему относился вопль: к тому, что я трогала покойника за руку, похитила улику или к тому, что знаю чья вещь была в ладони понять не могу и по сей день.

Пал Палыч, полыхая всеми красками заката, снова занял позицию напротив меня. Кто его ведаёт, до чего бы мы договорились взгляд навёл начальник добротной, осталось кнопочку нажать я внутренне содрогнулась, но... Бодливой корове бог рог не даёт: слышались гулкие шаги по мраморной плитке и раздавался сочный бас. Несколько весёлый для несправедливого вопроса:

– Ну? И где у нас труп?

Глава 3.

– Ну? И где у нас труп? – вопрос отзывается эхом в голове вот уже неделю. Как пустом зале. Греческом. Мысль тут же перескочила на монолог Хазанова «в греческом зале, в греческом зале», и следом на «в Греции всё есть». Ну, почти всё, говорю я себе. Ответов нет. На загадки, подкинутые господином Случаем в тот злополучный тимбилдинг.

Позади у нас остались: вынос тела (бррр, ужас-то какой, несчастный Масяня!); первые допросы по горячим следам, с пристрастием и без; пара-тройка скандалов и выяснения отношений с последующим переходом на личности в формате матерных частушек с припевом «а ты кто такой?» и «на себя посмотри».

Следы оказались, в общем и целом, как выражалась кадровичка, горячее некуда. Представители правопорядка сунули палку в осиное гнездо нашего чудного офиса, и как бы Пал Палыч не хотел, и стоящие над ним начальники тоже, а железный занавес пришлось приоткрыть. Пустить (кого ни попадя, стенал шеф) в святая святых. Полное неуважение к уставу компании. И никакой конфиденциальности. Напрасно он страстно призывал к работе в прежнем режиме, и даже лучше, стращал санкциями и штрафами. Все вдруг обнаружили в себе задатки великих сыщиков и разрабатывали гипотезы на основании собственных дедуктивных методов.

Ну, это уже после того, как страсти улеглись, а следовательно отделили зёрна от плевел сплетни от правдивых сведений.

Так что какие там отчёты, Пал Палыч! Вы лучше скажите, а Масяня, курьер то есть, имел доступ к вам в кабинет? Спросила Лика. А побледнела я. И уставилась на шефа, словно великий гипнотизёр. От его ответа зависело многое, в том числе судьба улики, которую я стащила с места преступления.

– Практически? — уточнила подруга. Понятно, что теоретически – нет, не имел. Шеф Масяню и в лицо-то не помнил. Иными словами, Лика пыталась узнать, как охраняется-замыкается кабинет «всея Руси». И я вместе с ней. Но Пал Палыч с замашками солдафона «копать отсюда и до обеда» благополучно и как-то интеллигентно послал нас со своей вотчины в круиз по Хрениземному морю.

– Всё дело в наших разработках, я тебе точно говорю, – дирижировала вилкой Лика. Мы сидели в маленьком уютном ресторанчике, «подальше от всех ушей». После работы: «ужин, то, сё, о делах наших помолчим вслух». — Ты в курсе? Что мы макнули жало в «антиэйдж»? В лаборатории поступил мелатонин, и мы будем выпускать БАДы на его базе. А это – конкуренты и деньги.

Я пожала плечами. Вообще-то должна быть в курсе, я же член команды, но зачем, скажите на милость, специалисту по начислению зарплаты знать такие тонкости? Моё дело ставка, оклад, и кого на сколько процентов бонуса лишили. Мне, честно говоря, по барабану, сколько взвесит в граммах веще-

ства какой-нибудь химик Петров или сколько сочинит слоганов рекламщик Иванов, или что там накреативит Станислав Ильич. Или сколько бумажек перевезёт с места на место Маслов Ян Викторович. Перевозил.

– Ну, поняаатно, —тянет разочарованно подруга. — Эх, ты, темень. Единоличница. Как тебя Пал Палыч терпит, такую безынициативную в нашем колхозе? Другую б уже уволили давно, а он с тобой нянчится, то на тимбилдинг пригласит, то на труп посмотреть тащит. А ведь вокруг такие идейные сотрудники пропадают почём зря.

– Да ладно, пропадают, — усмехнулась я. Насмешкой надеялась увести её с этого скользкого пути. А то знаю сейчас придумает, что Пал Палыч имеет на меня виды, потому и терпит, да прочую романтическую ерунду. Эти идейные сотрудники ухитрились с полицией плодотворно посотрудничать, причём на столько, что уже о личных встречах договариваются.

– Только в интересах общего дела, только в интересах, — парирует Лика. — Анатолий Михайлович мужчина импозантный, не скрою. С таким замутить сам бог велел. Но, увы, он —корыстный человек: считает, что через меня доберётся до всех секретов компании.

– А ты через него хочешь выведать, как продвигается следствие, совсем бескорыстная женщина, — подхватила я.

– Ага, — рассмеялась она. — Так и общаемся.

– И что же ты выведала, дорогая моя радистка Кэт? — с

замиранием сердца спрашиваю я.

Глава 4.

Всегда считала, по наводке Википедии, что коллаборация — процесс совместной деятельности двух или более лиц для достижения общей цели. Ага! Неправильно, выходит, бутерброд ела, колбасой кверху. Потому как в отдельно взятом случае, конкретно с гражданкой Малининой, то есть мной, коллаборация это процесс совместной деятельности её ног и какого-нибудь камня. Порога. Стеклопанной двери. Столба. Незнакомого человека. Нужно подчеркнуть.

Результат – вполне себе неплохая художественная инсталляция, симпатишная композиция. Меня на полу. На асфальте. В траве. На незнакомом человеке, что такая редкость, а жаль. И непременно — сумка. Сумка, из которой барахло вытряхнулось, разбежалось, раскатилось, расплескалось, как синева в небе. «Ой, фсё!», – велела я себе заткнуться. Самое место умничать. Собирай манатки, а не рассусоливай, сидя практически в луже. Ведь предлагала Лика подвезти. Нет, упёрлась, сама, мол, дойду. Сама. Что на этот раз не заметила, ветку? Хорошо, хоть по лбу, а не в глаз. Я потёрла ушибленное место.

Так. Расчёска. Зарядка. Косметичка. Аптечка. Да, аптечка! Да: женщина в возрасте! – фыркнула я неизвестно кому. Салфетки, отлично. А где ж телефон? Ау! Хоть бы позвонил кто-нибудь, так нет же. Вот в восемь утра в воскресенье это как за здравье, а когда надо никого. «Позвони мне, по-

звони, позвони мне ради бога!», кстати о звонках. Со слов Лики, мы со следователем, Анатолием Михалычем, к одному выводу пришли: полицию вызвал преступник. Пока мы с шефом выясняли наши сугубо производственные отношения возле покойного Масяни. Вопрос – зачем? Пал Палыч и так бы вызвал, рано или поздно. Рассуждал представитель закона, и Лике в глаза заглядывал. «А взгляд хитрющий такой, я тебе скажу, —прокомментировала она, – ну, да и мы – не из простых». Я хихикнула: бедный Анатолий, ещё не знает, во что встрял. У подруги главный принцип: нам чужого не надо, но уж своё-то мы возьмём, и чьё бы оно ни было. Хотя, может, он из тех мужчин, что лёгких путей не ищут, ни в карьере, ни в личной жизни?

Да где ж этот чёртов телефон? Почему у него нет сигнализации, как у машины? Нажал на кнопочку и готово, орёт на всю округу: «хозяйка!», и фонариком моргает. И не надо на четвереньках по мокрому газону ползать, искать его, горемычного. Неизвестно сколько времени. Времени... К слову о нём. Лика, эта Мата Хари местного разлива, выведала, что Масяня отдал концы с чьей-то помощью между 10 и 11 часами. Когда все уже пристыженные сидели по кабинетам, искали «дух коллектива» и пути его спасения. А в 11 шеф нас собрал снова. В надежде на предложения. Не до праздных шатаний людям было. Лишний раз двери боялись открыть, в коридор выглянуть. Убивай кого хочешь, никто не заметит, тем более в зимнем саду!

В принципе, у каждого из нас есть алиби, или какой-то завалящий свидетель, который подтвердит, кто где сидел, против кого дружил, в чём носу ковырялся. Поскольку не доказалась наша компания до такого, чтобы сотрудники отдельные кабинеты имели. Не по уставу. Кроме Пал Палыча. Ну, он же шеф! Так что, где ошивался, что делал начальник как раз в этот промежуток неизвестно. Ещё и секретарша, Аллочка, отгул взяла!

Опять же флешка, из рук покойного Масяни. Начальника флешка, я её сразу узнала. Во-первых, он три месяца ей хвалился, какая-то она там супер-пупер навороченная; во вторых, она всегда торчала у него в ноуте. Или в компе. Я сто раз видела, и не только я. Как она могла оказаться у курьера, если доступа в кабинет ему не было?

– И что мы имеем? – спросила я ночной воздух. Алиби у шефа нет. А улика против него есть. Выходит, подставили Пал Палыча? Учли даже его характер: что сам пойдёт, удостоверится, а всех запрёт в зале; что будет тянуть время с вызовом полиции, первому позвонит высшему руководству, в общем, будет себя вести подозрительно, как пить дать, спасая репутацию компании. Вот и вызвал убийца сам. Позаботился. Шеф возле трупа. И флешка у покойного на виду. Всё учёл. Кроме одного. Что Пал Палыч потащит с собой свидетеля, то есть меня, а я потащу с места преступления улику. И явного подозреваемого нет. Хотя 30 человек тоже, знаете ли, слишком. Наверное, это был запасной вариант, на всех

бросить тень.

– Ой! – наткнулась я взглядом на мужские ботинки. Такие чёрные, чистые и зловещие в темноте. Слишком чистые для дождливой погоды. И в прямые, тщательно отутюженные стрелки брюк, словно лезвия, уходящие вверх. Я подняла голову.

– Мама! – взвизгнула в испуге.

Глава 5.

– Мама! —взвизгнула в испуге. Были бы вороны —взлетели бы, ей-богу. «Любопытно, сколько децибел ты издаешь?» —интересуется сын от случая к случаю. А мне кажется, что я женщина – тихая, скромная даже.

– Что вы так орёте, Малинина?

– Я не ору, я так реагирую. Как в том анекдоте, помните? – от неожиданности и смущения меня понесло, как товарища Бендера в Васюках. – «Изя, а правда, что тебе дали по морде и ты никак не реагировал? Я не реагировал? Хорошее дело, а кто тогда упал?», вот и я, того... этого, – от молчания шефа, а это, чёрт возьми, его ботинки напугали меня, разговорчивость сошла на нет.

Я поднялась, отряхнулась:

– М-да, не то пальто-то!

– Какое ещё пальто, Дарья Александровна? Вы когда упали, головой, часом, не ударились?

– Да никакое пальто, – буркнула я. – Анекдот, смотрю, не к столу пришёлся. Позвоните мне, Пал Палыч, пожалуйста, –

попросила шефа. И судя по его взгляду, в диагнозе он не сомневался. – Не падала я, и мозги на месте.

– По-вашему нормально на коленках в траве ползать?

– Вполне. Какая-никакая зарядка, практически фитнес. Вам трудно позвонить на мой номер, что ли?

– Нет, – молвил, и достал телефон.

– Просто уронила сумку, из неё всё выпало, —снизошла я до объяснения. А то уволит ещё с таким положением дел. Интересно, почему не в рабочей обстановке так тянет ползти шефа? Чтобы увидеть, каков он на самом деле? Что за человек прячется в футляре? Оно мне надо, спрашивается, его скелеты в шкафу?

– Пырышки-пупырышки,

Пырышки-пупырышки,

Пырышки-пупырышки,

Пырышки-пупырышки! – заголосили певцы – Потап и Настя – в тишине.

Шеф подпрыгнул, что твоя антилопа:

– Что? Что это?! —жонглировал мобильником, пытаюсь его удержать. Ну, да, динамик моего гаджета то ещё испытание для чуткого слуха. И рингтон, кстати, на начальство стоит подходящий, если начальство не слышит. Но кто ж знал, что так сложится? Вот, балда, сама ж попросила позвонить.

– У нас на районе не звон'ят, а зво'нят

Стены все в баллоне, Вася, чё ты гонишь?

У нас на районе, районе, районе, районе! – сигнализиро-

вала моя потеряшка.

– А распустилися листочки, а потом цветочки, а по району ходят – бродят классные типочки. Корчатся мордочки, сидят на корточках, лушпают семки, на кухни курят в форточку, —верещала предательская техника. Что там той песни? Три минуты позора, а мне почудилось вечность прошла, прежде, чем я нашла свой телефон и отключила.

– А я кто, по-вашему, пафосная глыба или классный типочек? – миролюбиво поинтересовался шеф, и его миролюбие никак не вязалось с красным лицом. Он зачем-то поправил узел галстука, и надел перчатки.

– Шли бы вы, Пал Палыч, куда шли, —пожелала я невпопад, с опаской наблюдая за его поведением. – Что вы вообще возле моего дома делаете?

– Вас ждал.

– Пафосная глыба вы, по-моему, —попятилась я назад и соизволила, наконец ответить. Ой, не нравится мне всё это. Взгляд горячечный, словно у него температура, рукавички опять же натянул, как заправский киллер.

– Что?! – шеф так на чём-то сосредоточился, что уже забыл, о чём спрашивал. Шагнул ко мне. Подул холодный ветер, сорвал с веток стаю capitoшек. Может, кто дождь и не любит, а я вот люблю. То есть любила, получается. Вот же ж, Пал Палыч, а я в тебя так верила!

Глава 6.

– Ма, ты чё? – на пороге возник сын: на голове —воро-

нье гнездо, глазища в пол-лица. Герой аниме, ни дать, ни взять. Он аккуратно убрал мой палец со звонка. Оказывается, я продолжала трезвонить не смотря на открытую дверь.

– Да, Дарья Александровна, вы сегодня точно не в себе. Не думал, что мой визит и просьба о помощи так на вас воздействует! — Пал Палыч поддерживал меня за локоток, всю из себя такую томную барышню. «Взбледнувшую», — как сказала бы Лица.

– Ага, — говорю, — а вы бы что подумали на моём месте? Ждёт он, в чёрных перчатках по локоть, да ещё без алиби.

Шеф фыркнул сердито:

– Я, к счастью, не на вашем месте, на своём.

– А вот это — уже не очень к счастью!

– Может, вы в коридоре продолжите препираться? — предложил сын. Толковый ребёнок, весь в мать. — Или я в соседние двери позвоню? Предложу лучшие места в партере? И попкорн, есть, после кино остался, — тоже мне, «вечерний Ургант» нашёлся, никакого уважения к старшим. К матери родной.

– Ваш сын правильно говорит.

– Не сын он мне, — проворчала я, окинула импровизатора малолетнего хмурым оком. — Мальчик, ты чей?

Ворчи-не ворчи, а дислокацию мы всё-таки сменили. С лестничной площадки на кухню. Пал Палыч сгорбился у окна. Помрачнел ещё больше.

– Дааа... дела, Дарья Александровна. Кроме вас никому

не доверяю. А круг сужается. Как галстук на горле. Чувствую. Спасение утопающих, понимаете, дело рук самих утопающих. А я его не убивал. Масыню вашего. Мне вообще не до него, у меня проект горит.

Я сперва хотела возразить – да ничего он не мой, Масыня, а вовсе даже ваш. Наш. Общий, короче. Но усмирила в себе маленькую ведьму, которая шипела, что твоя рассерженная кошка. Вдруг так стало жалко мужика. Он ведь руководитель отличный. Малость косноязычен, конечно, и требовательный как прапорщик в военчасти перед комиссией, но справедливый и честный, по-нашему с Ликой мнению. А мыто не раз его, мнение, высказывали друг другу за рюмкой чая. Особенно после очередного офисного переполоха. Жил себе дядька, работал, офисом командовал, и на тебе: убийство. Среди бела дня. Да ещё подчинённые, в разуме которых ты был уверен, думают, что ты убийца, и являешься по их душу. В обморок практически падают и норовят глаза выщарапать, мол, я не сдамся без бою! И следовательно туда же, наручниками бренчит, намекает, как тут не отчаяться? Я, против воли, прыснула в кулак. Бедный Пал Палыч, еле успел скрутить меня, вопя на всю округу: «Вы что себе возомнили, Малинина?». Спасался как мог, от маникюра уворачивался, по пути объясняя, что делал возле дома моего.

Чайник засвистел, по-хулигански лихо. Шеф вздрогнул.
– Да чем я могу помочь, Пал Палыч? – я разливала кипятков по кружкам. —Вам с сахаром? А сколько? Вы тоже счи-

таете, что полицию вызвал преступник? Так ведь я с вами была, и чем сотрудники занимались, запертые в зале, скорее Лика может рассказать.

Кстати... а я-то, балда, чего её об этом не спросила сегодня? Уж она должна была всё заметить, всё приметить и на подкорку занести.

– Пригласить к нам? —я очнулась —начальник, судя по всему, не в первый раз ко мне обращается. – То-то она обрадуется, то-то ей делать нечего, – ирония из меня изливалась, что каша из горшка.

– Только Лики не хватало, – прокомментировал из комнаты отпрыск. Смыться-то тактично, он смылся, но превратился в одно большое ухо.

– А вам слово не давали, пятый микрофон, не нарушайте регламент, —огрызнулась я. И удалилась гордо в зал переговоров, в туалет в общем. Понятное дело, что Пал Палыча теперь с места не сдвинешь, пока не окажем помощь. Ишь, угнезвился на табуретке, мрачный взгляд в стену. А чай стынет. Кому наливала?

Лика, конечно, встала в стойку: ничего себе дела закрутились. Её мёдом не корми, дай только поучаствовать. Не важно в чём, лишь бы жизнь бурлила. Прямо-таки с похвальным комсомольским энтузиазмом согласилась присвистеть, приехать словом.

– Ты знаешь что? Прихвати-ка ты Анатолия Михалыча с собой, – попросила я. Не знаю зачем, но, если интуиция го-

ворит: надо – значит, надо.

Я вернулась в кухню. Пал Палыч посмотрел тяжело и спросил:

– А куда флэшку дели, Дарья Александровна? – и уточнил:

– Ту самую, что в руке убитого была. Мою, то есть. Где она?

Глава 7.

– В Караганде, – буркнула я, порядком струхнув: всё-таки заметил тогда мои манипуляции у тела курьера. Не зря шефские хлеба жуёт, что и говорить. – Без адвоката отвечать отказываюсь. Вот приедет Смирнова, тогда и разберёмся. По ходу пьесы. Что дели и куда.

– Я знаю, кто убил! – завопила Лика с порога. – Ой, издрасьте, – узрела она Пал Палыча, и снизила голос, если это вообще возможно про Лику. – Я знаю, кто убил! То есть, кто вызвал полицию, что в принципе – одно и то же!

Подруга выскочила из тужлфлей и галопом прогарцевала к столу.

– А чего вы тут, плюшками балуетесь? – она цапнула печенье, хлебнула чаю из моей кружки, кивнула шефу. – Здасьте поближе. То есть, я думаю, что вызвал, потому что у него единственного оказался телефон. Не сдал вам в сейф, Пал Палыч, – наябедничала Лика. – Только сначала ходите Вы!

Шеф переводил взгляд с одной на другую, очевидно му-

чился, кого прибить из нас первой: меня с флэшкой или новоявленную миссис Марпл, слишком бодрую и жизнерадостную для старушки.

– Поясните по буквам, Смирнова: куда ходить и зачем? И кто не сдал телефон?

– А где Михалыч? – прошептала я, пока Пал Палыч развивал мысль о двух не слишком толковых женщинах и дурдоме, из которого они сбежали. Чего это Лика без рыцаря в погонах явилась. Ведь русским языком просила, прийти с ним!

– Задерживается, – ответила мне. – Глава дурдома-то вы, по Сеньке и шапка, – парировала шефу. У того и глаз задёргался. – А ходить не «куда» и «зачем», а «чем». Как в картах. Образно говоря. Что ж вы такой прямолинейный, Пал Палыч? – вздохнула Лика. – Короче. Сперва – вы нам, инфу, а потом – мы. Утром – деньги, вечером – стулья.

Тот устало вздохнул, посмотрел на меня с надеждой, я отвернулась: он с подчиненной совладать не может, а я с подругой так тем более. Да и стулья, то есть, ответы, очень интересуют.

– Шантаж чистой воды, – пожаловался он кружке с чаем.

– Нет, просьба, в которой трудно отказать, – не согласилась Лика.

– Спрашивайте, – вроде как сдался Пал Палыч. Ой, не верю я этой «акуле империализма»! Но любопытство не спрячешь в кулаке.

– Вы слышали о разработке препаратов с мелатонином?
—обратился шеф ко мне. Почему-то. А ведь к Лике, как к
сотруднице лаборатории – и сподручнее, и логичнее.

– Ни сном, ни духом, – ответила я.

– Темень дремучая, – подтвердила подруга мои слова.

– А с ДГЭА? Дегидроэпиандростероном? Прародителем
гормонов?

– Издеваетесь? – я на размер глаз никогда не жаловалась,
но после такого страшного надругательства над интеллек-
том, боюсь, что они, глаза-то, достигли небывалых размеров.

– Ну, прастерон, – пихает в бок меня Лика: мол, совсем,
что ли неуч.

– Отцепись! Хоть покемон.

– Кортизол, адреналин – знаешь точно! Гормоны стресса.
А ДГЭА – наоборот, гормон спокойствия, антивозрастной
эффект.

– Изыди, нечистая, чур, меня, – осталось крестом осенить
себя. Без юмора слетишь с катушек, как пить дать.

– Так не интересоваться жизнью и делами компании, –
взгрустнул шеф.

Уволит за неуставные отношения, решила я. В мыслях. А
вслух:

– Вспомнила! Мелатонин – гормон сна!

– И на том спасибо, – поклонился Пал Палыч. – Мелато-
нин плюс ко всему антиоксидант, превосходящий по мощ-
ности витамины С и Е. Снижает онкориски, и т.д, и т.п. ДГ-

ЭА отвечает за иммунитет, эндокринных систему и прочее. Но главное, снижает риск заболеть сахарным диабетом, получить лишний вес и преждевременные признаки старения. Смекаете перспективы?

– Смекаем, — кивнули мы. «Я же тебе говорила!» — не преминула тотчас напомнить подруга про разговор о анти-эйдж-медицине в кафе, ткнула под ребро локоточком.

– Руководство приняло решение направить деятельность компании в этом направлении. Выпуск БАДов на основе гормонов. На флэшке были планы развития, намётки, кое-какие разработки и основные коды доступа к банку лабораторных исследований.

– Вы шутите? — изумилась я. — А чё — не пароль к счетам компании?

Лица вообще с открытым ртом сидела. Мне кажется, я услышала — где-то упала её челюсть.

– На обыкновенной флэшке! — моему возмущению не было предела.

– Допустим, не на совсем обыкновенной, — возразил шеф. — Но не суть. Суть в том, что я обнаружил утечку информации, кто-то сливает наши разработки конкурентам. Вот я и создал липу. Слух распустил, что на флэшке конфиденциальные сведения, чтобы вычислить...

– Шпиона! — вскричала подруга. Глазки заблестели, щёчки зарделись. Вот это боевик, — выдохнула она. — Неужели Мясня, обычный курьер, занимался промышленным шпи-

онажем?

– Сообщник, – не поверила я в версию.

– Без разницы, – затосковал Пал Палыч. – Я не сообщил службе безопасности о проблеме, сам хотел найти, выявить подлеца!

– И получить в награду красные революционные шаровары, – пробормотала я. Вот до чего амбиции начальников доводят.

– Теперь меня и свои подозревают, и полицейские, – он хлебнул остывший чай. – Ваш черёд, дамы. Зачем вы стянули флэшку, Дарья Александровна? И у кого вы видели телефон, Смирнова?

Глава 8.

– Погодите-ка, не в таком бурном темпе вальса, – я посмотрела на шефа, так я ему и сказала зачем стянула флэшку! – Ещё один вопрос. Почему меня потащили с собой к покойнику? Я, что —лысая? Или на мне шапка горит?

Он отвёл глаза и проямлил:

– Ну... вы мне всегда казались самой стрессоустойчивой в коллективе, чуждой сплетен и пересудов, и...

– Да просто она вам нравится! – перебила Лика его. Распоясалась вконец.

– Да конечно! —возразили в одно слово и хором мы с шефом. Покраснели тоже вдвоём. Сразу.

– Вы что себе позволяете?! – «а потом позвонил медведь, да как начал, как начал реветь». Медведь Пал Палыч.

– Обалдела? – уточнила я, в срочном порядке прикрывая бордовые уши кудрями. Или что там у меня на голове после дождя осталось. – Хвастайся лучше, кто там с телефоном игрался, – и украдкой ей кулак, мол, чем пахнет, подруга!

Шеф энергично кивнул. Радостный такой, что тему сменили.

– Сама эту кашу заварила, —подмигнула Лика. – Прямо вот срочно забожилось узнать, почему именно её позвали. По кочану, да на блюдечке с голубой каёмочкой. А телефон в руках держал Борис Петрович.

– Главбух? – вытаращила я глаза. Этот сухонький гриб лет семидесяти, метр с кепкой в прыжке? Нет, ничего не хочу сказать, он очень, очень умный мужчина. У него в отличие от нас не одна извилина (и та пунктиром), а всё десять, причём сплошные. Не зря же в нашем террариуме коллег держится столько лет, и налоговая против него в этом покере жизни бессильна. Но чтобы убить? Физически стукнуть пергаментным кулачком по крепкой черепушке, прости господи, курьера...

– Бред! – озвучил мои мысли Пал Палыч.

– Но я лично видела телефон у него в руках! – возмутилась Лика.

– Бред! – воскликнула я вслед за шефом. – Да ему тогда, что тому иностранцу из мультика про колобков, со своей табуреткой за Масяней бегать бы пришлось. Чтоб до темечка достать!

– А причём тут темечко?

– А как его по-твоему убили? – мы с подругой вскочили друг против, как коты перед началом драки, ей-богу. Position number one – отдыхаю сам, как пел Кай Метов.

– Отставить! – гаркнул начальник. – Тихо! Я сказал!

Сели. Грудь вздымается, глаза сверкают. Усы топорщатся, шерсть дыбом. Коты и есть. Кошки, вылитые.

– Но телефон! – подруга жалобно взглянула на него.

– Тихо! – Пал Палыч жестом закрыл рот на замок. – Я тут подумал, что в принципе, телефон в руках Бориса Петровича может значить только одно – не все сотрудники выполнили моё распоряжение. То есть, если уж главбух не сдал мне мобильник, то что о программистах, к примеру, говорить. А на преступника старичок не тянет, извините, Анжелика...

– Сергеевна, – услужливо подсказала я.

– Спелись, тоже мне.

– Да ничего не спелись! Главбух на организатора потянул бы, согласна. Но он, понимаешь... осторожный, что ли? Занудный, законопослушный. Нет, Лик, не он. Не спорь. Лучше вспомни, что там, в зале, другие делали? Вот рекламщики? Или эти, из твоей учёной конторы, лаборанты?

К счастью, в отношениях с друзьями Лика отходчива. В своё время на том мы с ней и сошлись. Пошумели, пары спустили, в глаза всё высказали и пошли дружить-работать дальше. Потому-то с ней легко и просто, что – без камней за пазухой.

– Ладно, – согласилась, как бы не хотя подруга. Я улыбнулась – марку держит Анжелика Сергеевна. – С кого тогда начнём?

Она добросовестно вспоминала. Перечисляла. Вперемешку с какими-то глупыми вопросами к шефу. На которые тот отвечал обстоятельно, воспрянув духом. Печать тревоги на лице растаяла. Во взгляде проявился интерес к жизни. Или к науке. Или...

– А потом они заспорили, – щебетала Лика. – Да прям с пеной у рта, Пал Палыч. Вокруг статьи Шарлотты Уоттс.

Я слушала краем уха. Ишь, разливаются соловьями. Ну, вообще же, к делу никаким боком все эти Шарлотты-Марлотты не пришиты! Интересно, где товарищ следовательно шляется, Михалыч-то где? Брюзжала внутри меня бабка Дарья Александровна, прищунив глаз.

В дверь позвонили. Раз, два. Наша компания встрепенулась.

– Ой, Толик, наверное. Анатолий, то есть, Михалыч, – подруга подхватила. – Я пошла носик припудрить.

И скрылась быстрее лани в ванной комнате. Шеф побледнел.

– Я открою, сидите, Пал Палыч, не нервничайте, – прошлёпала в коридор, распахнула дверь и...

«Вот мы встряли!» – сказала себе, пытаясь вернуть её на место.

Глава 9.

Не справившись с гостем, я отступила.

– Ну, если вы так настаиваете, – пробормотала, – милости просим.

Медленно я пятилась по коридору под прицелом пистолета. Чёрный зрачок хищно подмигивал.

Время вокруг растеклось киселём, события увезли в нём мухой, что едва шевелила лапками. Внутри же меня взорвалось, испугнуло мысли. Они, словно от выстрела охотника, антилопами бросились в рассыпную: блин, хоть бы Лика не выскочила сейчас из ванной... господи, сын в комнате! Хоть бы сидел в наушниках, тихо, будто мышка. А там же Пал Палыч ещё на кухне...

И как? Как мы упустили этого товарища из виду? Он же опоздал на тимбилдинг! У него два телефона, лично видела. Конечно, он не сдал один. Остался вместе со всеми, вёл себя незаметно. Ничем не выделялся, вот Лика его и проморгала.

– Отдайте флэшку, Дарья Александровна. И разойдёмся миром, – прервал он галоп моих размышлений.

– Ага, – кивнула я на оружие. – Мир прямо таки лезет наружу, со всех щелей.

– Сарказм вам не к лицу.

– Вы плохо рассмотрели, – ну, почему же я не конспектировала сцены боевиков, в которых герои так удачно справляются с преступниками? Раз, два и готово!

– Флэшка у меня, – произнёс Пал Палыч за моей спиной, и я вздрогнула: он взял меня за плечи. – В машине. Может,

оставим даму в покое – это наши с вами дела, Станислав Ильич.

– Конечно, – улыбнулся креативный директор. – Как скажете, желание начальника закон, – и навёл пистолет повыше, целясь в лоб. В мой лоб!

«Самое время грохнутья в обморок», – решила я. Коленки услужливо подогнулись.

– Так мы не договоримся, – сказал шеф. – У меня планы на эту сотрудницу. Личного характера. Без неё диалог не состоится. Без меня – флэшку вы не найдёте, – он старался удержать особо ценную Дарью Александровну в вертикальном положении, находчивый человек.

Пока Станислав Ильич раздумывал, Пал Палыч одним, как говорится, движением руки задвинул моё тельце за спину. Я воспряла духом, и даже глаз засверкал любопытством, что он там про планы говорил?

И тут —мышка-нарушка бежала, хвостиком махнула, — из комнаты быстрый и неуловимый, что твои печенег, выскочил сынок: бамс Стасу по башке! Твою ж дивизию, опять ел со сковородки и в комнате, сколько можно говорить... —молодец, сынок! Герой, богатырь! Богатырь со свистом скрылся обратно в норку. Креативный директор невольно и недовольно обернулся, оседая на пол. Шеф кинулся к пистолету. А Лика – из ванной (наконец!), со всей дури распахнула двери: Бамс! – припечатала шефа то ли по уху, то ли по виску, и вот уже Пал Палыч буквально упал на противника.

Грузно придавил его к полу. Из комнаты снова выскочил сын с гантелями наперевес.

– Стоять! – заорали мы с подругой. В страхе, что инвентарём не тому достанется.

И в этот драматический момент, прямо по классике, в эту коридорно-шекспировскую кульминацию, наша квартирная крепость пала без предупреждения: в неё вломились люди в форме. Во главе, можно сказать, на коне и с шашкой, Анатолий Михайлович, следователь наш дорогой:

– Всем оставаться на своих местах!

– Не прошло и полгода, – прокомментировала подруга.

Станислав Ильич взвыл: сынок, мальчик мой, растяпа ненаглядная и, к счастью, мазила, уронил таки гантельку. Нечаянно, что с ребёнка взять?

– Всех ангажирую на танец, – весело заявил следователь, – в отделение. Цыганочка у нас, так сказать. С выходом.

Уже на лестнице шеф схватил меня за руку:

– Дарья Александровна! Пойдёмте за меня замуж!

– Чего?! – нет, точно пора упасть в обморок, что-то я затынула с этим делом.

Глава 10.

– Дарья Александровна! Пойдёмте за меня замуж!

– Чего? – нет, точно пора упасть в обморок, по-моему затынула с этим делом. – А я-то тут причём? В смысле замуж-то – за что? – спросила, сбавила обороты в голосе. – Что вы мне плохого сделали?

Я заткнулась окончательно. Мозг медленно пережевывал информацию. Я бы сказала тщательно, как рекомендует здравоохранение. Мне кажется, или тоже стала выражаться, как прапорщик?

– Мать задаром не отдам, – заявил сын. До чего молодёжь нынче меркантильная пошла, умилилась я. А с другой стороны, пока шеф калым насобирает, можно и подумать. Не сразу ж мне соглашаться, надо и повыпендриваться для порядка. Я —что? Серьёзно замуж собираюсь? Ответа мы с Пал Палычем от меня не дождались, потому что приехали в отделение.

Как сказал ваш товарищ креативный директор, убивать он не хотел, только припугнуть. Курьер нарушил условия сделки, ему показалось, что он продешевил. Стащить флэшку – дело рискованное. Вот и решил поторговаться. Кроме того, господин Маслов вообще Станислава Ильича на крючке держал, давно.

– И всё мало, — рассказывал Анатолий Михайлович.

Мы сидели в кафе за рюмочкой чая. Позвал он нашу тёплую компанию, «проставиться» за раскрытие дела.

– Не лыком шит, Масяня-то. Словил директора за шпионскими делами, и сразу за шантаж. Так что у Стасика немало претензий накопилось к моменту встречи. Но «убивать не хотел», – повторил, передразнивая.

– Хотел, хотел! – я вспомнила глушитель на пистолете и ледяной взгляд. Поёжилась. Пал Палыч тут же возник с пи-

джакон, как Сивка-Бурка. Накинул на плечи. Я зарумянилась. За неделю не привыкнешь, поди, что шеф уже не просто шеф – женихи-с оне! Прыткий, как пенсионер у регистратуры. Окрутил, глазом моргнуть не успела.

– Жадность фраера сгубила, – резюмировала Лика. – Точнее, двух фраеров, – и усмехнулась. Мы переглянулись с ней и захихикали. Снова вспомнили кучу малу в коридоре.

Тогда, в ванной Лика не выдержала и позвонила – теперь уже – Толику с целью дать нагоняй, где тебя носит, чёрт в погонах? А он, уточнил место её дислокации, велел сидеть в окопе и не высовываться. Ага, как же!

– Вас, девчата, надо в группу быстрого реагирования записать, – Михалыч понял причину смеха. – Так шустро преступника задержали.

– И меня! – поднял руку сын.

– Само собой. А тебе ещё и медаль. Эко ловко ты его сковородкой прихватил, молодец! В общем, справедливость восторжествовала. Креативить ваш Станислав Ильич теперь в другом офисе будет, ты уж, Палыч, не обессудь. Правда, добровольно-принудительно, да куда ему деваться с подводной лодки. Тем более и потерпевший, Масяня ваш, пришёл в себя и даст показания.

– Что?!

* * *

– Ну, и хитрый жук у тебя Анатолий Михалыч, – восхитилась я.

– А то! – согласилась Лика. – Я и не сомневалась.

Скрыть факт, что труп – вовсе не труп, подозревать моего Пал Палыча, чтобы вывести преступника на чистую воду, – ишь ты!

– Генералом будет, – предрекла я, разглядывая мужчин. Они тихо беседовали в сторонке. Потом подошли к нам.

К кафе подъехало две машины. Такси.

– Ну, что Палыч? – следователь подал руку шефу. – Теперь честным мирком да за свадебку? В один день?

– Почему бы и нет, – улыбнулся тот. – Устроим тимбилдинг. Очередной.

– Свадебный, – согласился Анатолий Михалыч.

– Ну, вы, блин даёте! – воскликнули мы в один голос с Ликой. Прочитировали одного киношного генерала.

– А ты, что уже, согласилась? – опять вместе.

– Ма, поехали уже! Потом разберётесь, мы с дядей Палычем устали! И верни нам пиджак! – вопил сын из автомобиля.

– Спелись, – кивнула в его сторону подруга.

– Ага.

Хлопнули дверцы. Такси тронулись.

– Нет худа без добра, – пробормотала я. Ох, уж эти мне тимбилдинги...